

RU

Коммуникативные характеристики политического, военного и военно-политического дискурсов в категории «адресант – адресат» (на материале английского и русского языков)

Федотов И. И., Ковалев Л. Н.

Аннотация. Цель исследования - выделить важнейшие аспекты и коммуникативные характеристики категории «адресант - адресат» в политическом, военном и военно-политическом дискурсах на материале английского и русского языков. Научная новизна статьи заключается в исследовании дискурсивных особенностей адресантов и адресатов в политическом, военном и военно-политическом дискурсах. Впервые были рассмотрены коммуникативные характеристики военного и военно-политического дискурсов в категории «адресант - адресат», а также было проведено подробное сравнение и сопоставление отдельных коммуникативных компонентов политического, военного и военно-политического дискурсов и определены их предполагаемые участники, жанры, степени интердискурсивности. В результате исследования установлено, что категория «адресант - адресат» является одной из наиболее значимых в дискурсивном анализе. Также выявлено, что в зависимости от профессионализма участников дискурса с учетом параметров деятельности можно выделить три типа отношений «адресант - адресат» в рамках политического, военного и военно-политического дискурсов. Проведен анализ сходств и различий коммуникативных отношений в политическом, военном и военно-политическом дискурсах в категории «адресант - адресат».

EN

Communicative Characteristics of Political, Military and Military-Political Discourses in the Category “Addresser – Addressee” (by the Material of the English and Russian Languages)

Fedotov I. I., Kovalev L. N.

Abstract. The aim of the work is to highlight the most important aspects and communicative characteristics of the category “addresser - addressee” in political, military and military-political discourses using the material of the English and Russian languages. The paper is novel in its study of the discursive features of addressers and addressees in political, military and military-political discourses. It is the first time that the communicative characteristics of military and military-political discourses in the category “addresser – addressee” have been considered; in addition, a detailed comparison of the individual communicative components of political, military and military-political discourses has been carried out and their intended participants, genres, degree of interdiscursivity have been identified. The study has found that the category “addresser - addressee” is one of the most significant in discourse analysis. It has also been determined that depending on the professionalism of the participants in a discourse and taking into account the parameters of activity, three types of the “addresser - addressee” relations can be distinguished within the framework of political, military and military-political discourses. The analysis of similarities and differences of communicative relations in political, military and military-political discourses has been carried out.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена наличием плюрализма взглядов относительно трактовки понятия дискурса и его проявлений в различных сферах речевого общения. Исследование особенностей различных видов институционального дискурса, таких как политический, военный и военно-политический, представляет большой интерес с теоретической и практической точки зрения. Категория «адресант – адресат» – это важнейший

элемент дискурса, поскольку последний может существовать только благодаря их наличию. Адресант инициирует речевой акт, однако при отсутствии адресата теряется весь смысл коммуникационного общения.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, прояснить роль адресанта и адресата в коммуникационном процессе; во-вторых, выявить коммуникативные характеристики политического, военного и военного-политического дискурсов в категории «адресант – адресат», что позволит лучше понять особенности данных видов дискурса; в-третьих, обосновать сходства, различия и степень интердискурсивности политического, военного и военного-политического дискурсов путем непосредственного сравнения и сопоставления.

В статье применяются следующие методы исследования: метод дискурсивного анализа, в частности интеракционный, когнитивный и лексический анализы. Методология исследования также включает общенаучные методы – обобщение, классификацию и сравнение.

В качестве материала исследования были использованы тексты интернет-сайтов СМИ и органов государственной власти России и США, а также тексты справочной правовой системы «КонсультантПлюс», собранные в период с сентября 2020 года по октябрь 2022 года.

Теоретической базой исследования являются публикации отечественных лингвистов (Ансокова, 2012; Бахтин, 2012; Карасик, 2002; Менджерицкая, 2006; Мошкина, 2020; Мызникова, 2015; Поздеева, 2011; Сидорова, Степанов, Лимарова, 2018; Синельникова, 2008; Чудинов, 2018; Шейгал, 2000), в которых исследуются такие лингвистические понятия, как «дискурс», «речевая коммуникация», категория «адресант – адресат», а также институциональные дискурсы.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному дискурсивному анализу. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по теории языка, дискурсивному анализу, лингвопрагматике.

Основная часть

В рамках тематики нашей статьи среди множества научных определений дискурса нам представляется целесообразным остановиться на той трактовке, когда под дискурсом понимается коммуникативное событие, которое проявляет свою интерактивную природу через некоторую совокупность составляющих языка, соотносящихся каким-либо образом с когнитивными и языковыми процессами в сознании коммуникантов. На успешность коммуникации оказывают влияние знания партнеров по общению относительно предмета речи, языковые установки адресанта и то, как эти установки декодируются адресатом (Синельникова, 2008, с. 140).

Среди компонентов дискурса отечественные лингвисты выделяют такие, как: цель и хронотоп, концепты, участники дискурса, их коммуникативные стратегии и прецедентные тексты дискурса (Карасик, 2002, с. 189). Отмечается, что наиболее значимым компонентом дискурса следует считать категорию «адресант – адресат», поскольку дискурс, являясь когнитивным процессом, включает в себя как особенности подачи и представления информации, так и особенности ее восприятия. Такой подход дает возможность отдельно выделить категорию адресанта, который принимает участие в передаче когнитивного содержания адресату посредством текста в его «лингвистическом воплощении» (Менджерицкая, 2006, с. 50-55). В данном случае процесс порождения и функционирования дискурса можно рассматривать как межличностное взаимодействие отправителя текста или говорящего (адресанта) и лица, для которого данный текст/речь предназначена (адресата) (Бердников, Калугин, Бокова, 2020).

Считается, что основой любого процесса речевого общения являются участники коммуникативного процесса, а именно: адресант, имеющий речевое намерение, и адресат со своими психологическими, языковыми и социальными особенностями (Мызникова, 2015, с. 227). Цель коммуникативного акта, как правило, ориентирована на адресанта, однако уместность такого акта, а как следствие, его успешность во многом находятся в зависимости от адресата, который в таком случае должен быть «подходящим» лицом для решения коммуникативной задачи в данных условиях общения (Шейгал, 2000, с. 79).

В качестве адресата может выступать собеседник по диалогу, коллектив специалистов, народ, публика, единомышленник, современник, противник, начальник, подчиненный, а в случаях монологических высказываний и даже неопределенное лицо. Все особенности адресата устанавливаются той областью деятельности или быта, к которой коммуникация имеет отношение. При этом порождение высказывания и отбор адресантом языковых средств выполняется под определенным (большим или меньшим) влиянием адресата и с учетом его предполагаемой коммуникативной реакции (Бахтин, 2012, с. 275, 280).

В. И. Карасик (2002, с. 5), говоря о коммуникативном поведении личности, отмечает наличие важнейших постоянных и переменных характеристик, которые определяют особенности процесса общения. Человек как адресант осознает свою идентичность в рамках своей принадлежности этносу и исчисляемой совокупности социальных групп и в границах своей уникальной личности. Исходя из этого, адресант обладает определенными характеристиками, передаваемыми адресату, транслируемыми в коммуникационном процессе.

К важнейшей характеристике адресанта относят его ведущую роль в самом процессе коммуникации, поскольку именно он задает как тон, темп, так и тематику коммуникативного акта и чаще всего он же его

и заканчивает. Как правило, адресант формирует дискурс в таком стиле и жанре, которые соответствуют его коммуникативному замыслу, его взглядам и убеждениям. В то же время другим основным участником коммуникации определяют адресата, который является последним компонентом коммуникативной цепочки «адресант – текст – адресат», и его выпадение приведет к тому, что акт коммуникации не будет завершённым и перестанет функционировать, поскольку отправным моментом данной цепочки является ее ориентация на звено, находящееся последним. Концептуальные картины мира адресанта и адресата, которые определяют смыслы, доминирующие в коммуникативном процессе, могут совпадать или расходиться. В случае расхождения смыслов последует неудачный коммуникативный акт, а смысловой посыл адресанта не будет расшифрован адресатом. Акт речевой коммуникации может быть успешным при условии наличия предварительного единого взгляда коммуникантов на речевую ситуацию, т.е. когда у них имеются общие прагматические presupпозиции. Для достижения результативного общения адресанту необходимо принимать во внимание и коммуникативный фон, и социальный статус адресата, что в значительной степени может оказывать влияние на сам характер коммуникации. В зависимости от того, в каких социально-ролевых отношениях находятся коммуниканты, которые определяются их конкретным положением в социуме, выделяют коммуникацию партнерскую (горизонтальную), нисходящую и восходящую с характерными языковыми средствами (Поздеева, 2011, с. 19-21).

Коммуникация осуществляется в различных областях человеческой деятельности, к которым относится и политическая сфера. А. П. Чудинов (2018, с. 12) отмечает, что характеристика политических коммуникаций требует системных методологических и организационно-технологических средств исследования коммуникативного аспекта политической жизни общества, которые позволят изобрести, проанализировать и систематизировать объективные данные о состоянии и функционировании политико-коммуникативных процессов, устойчивые коммуникативные практики и мотивацию субъектов политической деятельности. Таким образом, исследователь отмечает важность социально-ролевых отношений адресата и адресанта политических коммуникаций. По мнению А. П. Чудинова, политическая коммуникация представляет собой сложную систему циркуляции информационных потоков и обмена содержательными сообщениями между субъектами политического взаимодействия, важным представляется использование системного подхода в исследовании феномена адресности, то есть изучение политической коммуникации как взаимоотношений объектов, структурно и функционально связанных друг с другом.

В данной связи, если обратиться к текстам политического дискурса, можно отметить, что они предполагают наличие определенного адресанта и адресата и в зависимости от профессионального уровня коммуникантов их социального положения и обстановки, имеют дифференцированный характер. В качестве наиболее властного адресанта в политическом дискурсе, как правило, выступает государство. Индивиды имеют возможность принимать участие в политической жизни общества в следующих двух формах: институциональной и неинституциональной.

В рамках статусных политических институтов осуществляется профессионально-политическое общение (Бакумова, 2002, с. 43), а СМИ, в свою очередь, выступают в роли передатчика информации от власти к народу (Ансокова, 2012, с. 81). Институциональная форма политической жизни общества касается таких подсистем, как выборы, членство в политических партиях или общественных объединениях, профсоюзах и прочее. В рамках такого участия общества в политическом дискурсе он является особым типом коммуникации, которому присуща высокая степень манипулирования. Поэтому анализ механизмов политической коммуникации – ключевая задача при определении существенных характеристик языка. В политическом дискурсе методики дискурс-анализа направлены на поиск рациональных, оптимальных способов и путей речевого воздействия на аудиторию, а также на выявление со стороны аудитории истинных интенций и скрытых приемов языкового манипулирования. При этом, по мнению ученых, пространство дискурса образуется системой «стереотипных ментальных схем-образов», которые и оказывают манипулирующее воздействие (Сидорова, Степанов, Лимарова, 2018, с. 31).

В качестве примера приведем высказывание секретаря Общественной палаты Л. Михеевой по поводу сотрудничества общественных объединений в рамках проведения выборов в 2022 г.: *«Сотрудничество с теми, кто здесь присутствует, уже стало хорошей, доброй традицией, и мы стараемся максимально в ходе развития процедур общественного наблюдения расширять круг различных НКО, общественных объединений и граждан, которые хотели бы принимать участие в наблюдении за выборами различного уровня»* (НКО примут участие в наблюдении за выборами в сентябре 2022 года // Lenta.ru. 30.08.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/30/nabl/>). В данном отрывке можно видеть несколько стереотипных словосочетаний и выражений, использованных для усиления воздействия речи: *«расширять круг»*, *«хорошая, добрая традиция»*, *«выборы различного уровня»* и пр. В представленном отрывке можно отметить характеристики адресанта и различных адресатов. Так, адресант, используя стереотипные конструкции, выражает традиционное и сложившееся в предыдущие годы доброе сотрудничество и хорошие деловые отношения. Посыл адресанта – в доброжелательном и открытом отношении к адресатам. Круг адресатов в данном сообщении довольно широк – это и НКО, и разнообразные общественные объединения, и отдельные граждане. В речи адресанта можно видеть приглашение к дальнейшему сотрудничеству, к расширению числа партнеров. Адресаты дискурсивного сообщения должны понять возможность участия в наблюдении за выборами, а также удостовериться в открытости и правильности всех процедур.

Неинституциональная форма участия общества в политическом дискурсе включает в себя митинги, выступления, революции и гражданские войны. Дискурс в этом случае является одной из самых эмоциональных,

самых экспрессивных и наиболее персуазивных форм политической коммуникации. Например, выступление на митинге не может быть нейтральным, что связано с важной проблематикой митинга, который обычно организуется по поводу актуальных событий в культурно-политической жизни общества. Дискурсивная специфика в этом случае формируется по пространственно-временным параметрам – особой системой адресантно-адресатных отношений этой коммуникативной ситуации. Так, например, на митинге в Магадане в поддержку специальной военной операции РФ прозвучало много лозунгов, соответствующих ситуации, например: «Мы за мир без нацизма и лжи, за дружбу, уважение и конструктивное взаимодействие людей разных национальностей!» (Сила духа солдат зависит от мощи нашей поддержки – о спецоперации // Regnum. 01.06.2022. URL: <https://regnum.ru/news/society/3606821.html>). Таким образом, особенности ситуации, сложившихся условий и коммуникативных задач участников определяют и специфику политического дискурса.

В случае с военным дискурсом, если рассматривать вопрос о категории «адресант – адресат», можно обратить внимание на высокую зависимость функциональной нагрузки в процессе коммуникации от социальной роли участников данного процесса, а также коммуникативной ситуации (Формановская, 2002, с. 68). Поэтому, как отмечает И. В. Уткина (2006, с. 46-52), особенностью военного дискурса является резкое разграничение роли участников коммуникации, которое и определяет их поведение в рамках коммуникативного процесса. В целом речевое поведение коммуникантов определяется коммуникативным статусом и ролями, а именно отношениями «адресант – адресат», где первый – производитель сообщения, т.е. говорящий, а второй – потребитель сообщения, т.е. слушающий. Отмечается, что в военной сфере общения чаще всего большую речевую активность проявляет адресант, а роль адресата не требует речевой инициативы.

Специфика социальных ролей в военной сфере определяется тем, что существуют два обязательных и постоянных социальных статуса: старший по званию и младший по званию. При этом военнослужащему, находящемуся на первом статусном уровне (нижестоящий подчинённый), бывает несложно определить специфику речевого поведения. На втором статусном уровне (вышестоящий офицер) бывают необходимы некоторые дополнительные знания как о субъекте и ситуации общения, так и о правилах речевого поведения при заданных параметрах коммуникации (Уткина, 2006, с. 52).

Например, в Статье 34 Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ указано, что «начальник имеет право отдавать подчиненному приказы... Он должен быть для подчиненного примером тактичности, выдержанности и не должен допускать фамильярности и предвзятости по отношению к нему» (Устав внутренней службы Вооруженных сил РФ: утвержден Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8/). В этом положении мы видим четкие указания на поведение офицера по отношению к подчиненному, в том числе и речевое: это уважение, отсутствие фамильярного обращения, тактичность и выдержанность.

Таким образом, коммуникативному процессу военного дискурса свойственны такие характеристики, как несимметричность, формальность, четкое соблюдение правил и иерархичности. При этом наиболее часто используемыми в военном дискурсе жанрами выступают «директивные» и «организационно-деловые» (Уткина, 2006, с. 52).

Рассматривая категорию «адресант – адресат» применительно к военно-политическому дискурсу, необходимо прежде всего отметить, что данному виду дискурса в исследованиях уделяется недостаточно внимания. Если сравнить исследования военно-политического и политического дискурсов, то изучению последнего посвящена более обширная литература, поскольку большинство ученых отдают исследовательский приоритет области политической коммуникации (Мошкина, 2020, с. 123).

Однако исследователи при рассмотрении структурных компонентов, характерных для военно-политического дискурса, выделяют в том числе и участников данного дискурса (Мошкина, 2020, с. 128-129; Марченко, 2019, с. 141). Так, К. А. Марченко (2019, с. 141), исследуя средства манипуляции мнением общества на примере военно-политического дискурса, рассматривая обращение бывшего президента США Б. Обамы к нации в 2013 г. и описывая его контекст, выделяет в качестве адресанта самого президента, который декларирует свою роль в процессах развития страны, а в качестве адресата – жителей США. При этом внимание обращается на такие особенности военно-политического дискурса, используемого в речи Обамы, как манипулирование общественным мнением, акцент на авторитете говорящего, расчет в речи на универсальные установки и определенный менталитет реципиентов.

Аналогичные инструменты дискурса используют и другие политики. Так, в качестве примера можно рассмотреть выступление президента США Дж. Байдена по поводу вывода войск из Афганистана (Transcript of Biden's Speech on the U.S. Withdrawal from Afghanistan // The New York Times. 31.08.2021. URL: <https://nytimes.com/2021/08/31/us/politics/transcript-biden-speech-afghanistan.html>). Действительно, основной акцент в речи сделан на авторитет президента, например: *"In April, I made a decision to end this war. As part of that decision, we set the date of Aug. 31 for American troops to withdraw"*. / «В апреле я принял решение прекратить эту войну. В рамках этого решения мы установили дату вывода американских войск 31 августа» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – И. Ф., Л. К.). Далее также используются личные местоимения первого лица, позволяющие оценить роль Байдена в разрешении конфликта и реализации событий. Как и в обращении Б. Обамы, можно увидеть особенности американского менталитета в речи Дж. Байдена: *"The extraordinary success of this mission was due to the incredible skill, bravery and selfless courage of the United States military and our diplomats and intelligence professionals"*. / «Необычайный успех этой миссии был достигнут благодаря невероятному мастерству, храбрости и самоотверженному мужеству военных Соединенных Штатов, а также наших дипломатов и профессионалов

разведки». Можно также обратить внимание на выделение исключительности американской нации, что также типично для обращений лидеров США к народу, например: “*No nation, no nation has ever done anything like it in all of history*”. / «*Ни одна нация, ни одна нация никогда не делала ничего подобного за всю историю*». Или другой пример: “*Only the United States had the capacity and the will and ability to do it, and we did it today*”. / «*Только у Соединенных Штатов были возможности, воля и способность сделать это, и мы сделали это сегодня*». Таким образом, усиливаются роль и значение Соединенных Штатов в данной операции, что позволяет сформировать национальную гордость у населения, убедив его в значимости действий США. В то же время при сообщении некоторых данных ограничивается конкретика, умалчиваются некоторые факты, то есть происходит лимитирование информации о событии для аудитории, например: “*...evacuating more than 120,000 people*”. / «*...эвакуировав более 120 000 человек*» (без указания в какое место, как и кого эвакуировали); “*...after two decades of fighting for their country and losing thousands of their own*”. / «*...после двух десятилетий борьбы за свою страну и потери тысяч своих людей*» (без уточнения точного количества погибших). Это позволяет создать некоторую свободу дискурса, не ограничивает выступающего при дальнейших высказываниях на эту тему.

Для того чтобы более детально подойти к вопросу адресантно-адресатных отношений в дискурсе, проведем анализ конкретных примеров высказываний по внешне- и внутривнутриполитическим темам, взяв за основу классификацию категории «адресант – адресат» в политическом дискурсе с учетом профессионализма участников, предложенную Д. В. Ансоковой (2012, с. 81-84). Будут рассмотрены выступления и интервью глав государств, их пресс-секретарей, а также коммуникация граждан, не относящихся непосредственно к политическим институтам.

Исследователь предлагает четыре подхода к рассмотрению участников коммуникации (как коллективных, так и индивидуальных) в политическом дискурсе, когда: 1) и адресант, и адресат – профессионалы; 2) адресант – профессионал, адресат – непрофессионал; 3) адресант – непрофессионал, адресат – профессионал; 4) и адресант, и адресат – непрофессионалы.

Рассмотрим эти подходы более детально с использованием конкретных примеров. В первом случае обстановка политического дискурса – официально-деловая. Как следствие, этот вариант политического дискурса осуществляется в следующих жанрах: международные переговоры, официальные встречи таких лиц, как главы государств, министры и пр. Также указанный дискурс может иметь место при обмене информацией между некоторыми политическими лицами либо группой лиц. В данном случае в политическом дискурсе выделяют подвиды: внутренний (закрытые заседания, служебная переписка и т.п.) и внешний (переговоры, круглые столы, дискуссии). Такой политический дискурс является наиболее официальным, и для него характерно применение политической терминологии и калькирования.

К примеру, 9 декабря 2021 г. Дж. Байден на открытии саммита за демократию выступил с официальной речью. Приведем отрывок из его выступления: “*Another recent report, from the International Institute of Democracy and Electoral Assistance, noted that more than half of all democracies have experienced a decline in at least one aspect of their democracy over the last 10 years, including the United States. And these trends are being exacerbated by global challenges that are more complex than ever and which require shared efforts to address these concerns*” (Remarks by President Biden at the Summit for Democracy Opening Session. 09.12.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/09/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-opening-session/>). / «*В другом недавнем докладе, подготовленном Международным институтом демократии и содействия выборам, отмечается, что за последнее десятилетие более половины всех демократий, включая Соединенные Штаты, испытали ухудшение показателей по крайней мере в одном из аспектов своего демократического устройства. Эти тенденции усугубляются глобальными проблемами, более сложными, чем когда-либо, и требующими совместных усилий для их решения*». Выступление было адресовано профессионалам – участникам саммита, что подразумевало глубокую осведомленность всех адресатов с тематикой высказываний.

При осуществлении информативной и персуазивной функции в данном варианте адресантно-адресатных отношений имеет место широкое применение следующих выразительных средств: метафора, метонимия, анадиплосис (подхват).

Так, в большом выступлении президента России В. В. Путина на Валдайском форуме можно было встретить такие метафоры, как: «*подрыв либерального порядка*» (подразумевается не взрыв в прямом смысле слова, а кардинальное негативное изменение), «*смахнуть с политической карты*» (подразумевается, что страна исчезнет с карты мира под воздействием негативного давления других стран), «*строить симфонию человеческой цивилизации*» (подразумевается гармоничное объединение усилий разных стран) (Курильченко А., Самолетов А. Мир справедливости и безопасности: какой эффект может оказать речь Путина на «Валдайском форуме» // Звезда. 30.10.2022. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202210301810-154by.html>). С точки зрения адресанта-профессионала, обращающегося к осведомленным адресатам, такой прием, как метафора, позволяет усилить эффект убеждения, выделить особые мысли, усилить эмоциональное наполнение речи.

Приведем пример использования метонимии в политическом дискурсе. Так, выступая на Валдайском форуме, В. В. Путин отметил: «*Увы, события пока продолжают развиваться по негативному сценарию... Запад в последние годы и особенно в последние месяцы предпринял целый ряд шагов на обострение...*» (Курильченко А., Самолетов А. Мир справедливости и безопасности: какой эффект может оказать речь Путина на «Валдайском форуме» // Звезда. 30.10.2022. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202210301810-154by.html>). Здесь слово «*Запад*» использовано не как сторона света, а как сложившееся понятие стран западной Европы и США. При этом адресант рассчитывает на правильную интерпретацию использованного понятия со стороны адресатов, оценивая их как профессионалов, хорошо осведомленных людей.

Рассмотрим использование анадиплосиса на примере выступления экс-президента США Д. Трампа по вопросу ситуации с коронавирусной инфекцией: *“And they ordered the CDC to stop counting tests and stop counting cases, and then left us a depleted stockpile, which is what I inherited. I inherited a depleted – a very badly depleted stockpile”* (Remarks by President Trump in Press Briefing. 10.09.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-briefing-091020>). / *«И они приказали Центру по контролю и профилактике заболеваний прекратить подсчет тестов и прекратить подсчет случаев, а затем оставили нам истощенный запас, который я унаследовал. Я унаследовал истощенный, очень сильно истощенный запас»*. В этом отрывке адресант использует анадиплосис (*“...what I inherited. I inherited...”*) для особого акцентирования внимания адресатов на обсуждаемой ситуации. Адресатами данного обращения являются представители политических институтов. Посыл адресанта понятен – он перекладывает ответственность за ситуацию на предшественников, информирует и убеждает адресатов в истинности своего видения ситуации.

Во втором подходе (адресант – профессионал, адресат – непрофессионал) рассматривается вид политического дискурса, который отмечается при проведении публичных выступлений политиков перед аудиторией, в ходе которых дискурс, как правило, приобретает более эмоциональный оттенок, поскольку цели адресантов – расположить электорат к себе. В таком случае степень терминологичности идет на снижение, однако эти речи являются официальными, и, как следствие, данный вид дискурса не уступает предыдущему по сложности синтаксической структуры. При этом условия осуществления дискурса могут быть как официально-деловыми, так и неформальными.

Здесь можно привести в качестве примера выступление Дж. Байдена в Филадельфии перед американцами: *“This is where America made its declaration of independence to the world more than two centuries ago, with an idea unique among nations: that in America, we’re all created equal. This is where the United States Constitution was written and debated. This is where we set in motion the most extraordinary experiment of self-government the world has ever known”* (Full Transcript of President Biden’s Speech in Philadelphia // The New York Times. 01.09.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/01/us/politics/biden-speech-transcript.html>). / *«Именно здесь Америка более двух столетий назад объявила миру о своей независимости, выдвинув уникальную среди наций идею: в Америке мы все созданы равными. Именно здесь была написана и обсуждалась Конституция Соединенных Штатов. Именно здесь мы привели в действие самый экстраординарный эксперимент самоуправления, который когда-либо знал мир»*. В речи можно увидеть не только несколько ярких эпитетов (*“created equal”* / *«созданы равными»*, *“extraordinary experiment”* / *«экстраординарный эксперимент»*), но и лексический повтор (*“this is where”* / *«именно здесь»*). Адресант с помощью данных приемов особо выделяет важность своих слов, пытается убедить адресатов, а также расставляет оценки для непосвященной аудитории (*«экстраординарный»*). Таким образом оказывается воздействие на адресатов через лексические приемы.

Ещё один пример отношений «профессионал – непрофессионал» наблюдается в ситуации, когда государственный деятель проводит личный прием гражданина (группы граждан) (Шейгал, 2000, с. 87). В таком случае функциональная специфика политического дискурса может проявиться наиболее ярко. Так, например, во время поездки в Калининград В. В. Путин пообщался с гражданами прямо на улице: *«Всё хорошо? Губернатор не обижает?»* (Путин остановил кортеж и пообщался с местными жителями в Калининграде // Lenta.ru. 02.09.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/02/ostt/>). Можно отметить, что в данном высказывании проявилась максимальная неформальность дискурса, которая позволяет сформировать образ политика, близкого к народу и готового помочь в проблемах.

В третьем варианте (адресант – непрофессионал, адресат – профессионал) обстановка дискурса официальная и предполагается, что такой дискурс, как правило, имеет односторонний характер и находит осуществление в следующих жанрах: телеграмма, письмо, в котором имеется обращение с жалобами, предложениями и адресованное политическим партиям или деятелям (Бакумова, 2002, с. 48). Сюда же относятся и политические интервью.

Например, в США на встречах чиновников с представителями СМИ не все вопросы от журналистов являются мягкими. Во время конференции пресс-секретаря Белого дома К. Жан-Пьер журналист телеканала Fox News задал вопрос о ценах на газ без особых церемоний и такта: *“Why is the president bragging today about gas prices? – Because it has gone down. – It’s still \$1.72 higher than when he took office?”* (Vespa M. Fox News Reporter Slaps Down Biden Press Secretary on Gas Prices // Townhall. 05.08.2022. URL: <https://townhall.com/tipsheet/mattvespa/2022/08/05/fox-news-reporter-slaps-down-biden-press-secretary-on-gas-prices-n2611361>). / *«Почему президент сегодня хвастается ценами на газ? – Потому что цена упала. – Она все еще на 1,72 доллара выше, чем когда он вступил в должность?»*. В этой ситуации журналист не придерживается каких-либо речевых правил и весьма агрессивен в своих словах, при этом пресс-секретарь попадает в сложную ситуацию: с одной стороны, она должна объяснить свой ответ на вопрос, с другой – не перейти на агрессивные формы общения.

В России некоторые журналисты также могут задавать весьма настойчивые вопросы, стремясь получить острые ответы. Так, пресс-секретарю Кремля Д. Пескову 14 сентября 2022 года во время пресс-конференции был задан вопрос о потере европейского рынка газа и критичности этого события для РФ. Д. Песков ответил, что Россия будет сотрудничать с другими регионами: *«Есть регионы, которые, кстати, развиваются более высокими темпами и имеют гораздо более амбициозные программы развития»* (Песков заявил о покупателях газа с темпами роста выше, чем в ЕС // РБК. 14.09.22. URL: <https://rbc.ru/politics/14/09/2022/6321a8d89a7947eabf7ddc7c>). В данном ответе Д. Песков показал свою осведомленность в обсуждаемом вопросе и высказался

четко и однозначно. В вышеуказанном примере официальная обстановка обязывает адресата помнить о своем профессиональном статусе. Сама политическая речь в зависимости от тематики может иметь отличия по степени терминологичности.

В четвертом подходе как адресант, так и адресат не являются профессионалами, принадлежащими к какому-либо политическому институту, но активно участвуют в осмыслении и характеристике политических процессов. Условия осуществления дискурса являются неформальными: отмечается моральная раскрепощенность, употребляются выразительные средства, к которым относятся риторический вопрос, а также элементы иронии.

Например, в рамках форума к статье немецкого издания Die Welt об энергетическом кризисе в Германии и необходимости ограничения потребления газа один из комментаторов отметил: *«Мы хотим поделиться этим с вами, чтобы вы поняли, почему мы должны корректировать цены на нашу вытечку. Чем это закончится? Уважаемые политики в Штутгарте и Берлине, когда вы, наконец, проснетесь и придете в себя?»* («Придите в себя»: европейцев настиг ужас от энергетического кризиса // МК.ru. 11.09.2022. URL: <https://mk.ru/economics/2022/09/11/pridite-v-sebya-evropeyev-nastig-uzhas-ot-energeticheskogo-krizisa.html>). В этой речи можно видеть и эмоциональную окрашенность, и риторический вопрос, и элементы сарказма.

Рассмотренные выше подходы Д. В. Ансоковой (2012) к классификации коммуникативной категории «адресант – адресат» с учетом параметра их деятельности позволяют нам предпринять попытку и, взяв за основу схему отношений адресанта – адресата с точки зрения их профессионализма в политическом дискурсе, предложить аналогичный по структурному содержанию сравнительно-сопоставительный анализ применительно к военному и военно-политическому дискурсам. Однако четвертый из рассмотренных выше подходов (адресант – непрофессионал, адресат – непрофессионал) мы полагаем необходимым не принимать во внимание, поскольку в случае с военно-политическим дискурсом мы имеем дело с институциональными военным и политическим дискурсами в их интердискурсивном воплощении в ситуации, когда наличие профессионализма в категории «адресант – адресат» продиктовано коммуникативной необходимостью.

Мы предлагаем следующую таблицу (Таблица 1), где рассматриваются три типа отношений адресанта и адресата в политическом, военном и военно-политическом дискурсах.

Таблица 1. Отношения «адресант – адресат» в политическом, военном и военно-политическом дискурсах

	Адресант	Адресат	Жанры
Политический дискурс	I. профессионал: главы государств, международные организации, представители политических институтов.	профессионал: главы государств, международные организации, представители политических институтов.	переговоры и заседания, официальные встречи, служебная переписка.
	II. профессионал: политический лидер.	непрофессионал: общество, группы граждан, граждан.	публичные выступления; предвыборная агитация, пресс-конференции, агитационные листовки.
	III. непрофессионал: граждан, группы граждан.	профессионал: политические партии, политические деятели.	телеграмма, письмо (обращение с жалобами, предложениями), политическое интервью.
Военный дискурс	I. профессионал: сотрудники военных ведомств всех должностей и званий.	профессионал: сотрудники военных ведомств всех должностей и званий.	приказы, постановления, распоряжения, директивы, указания и т.д.
Военно-политический дискурс	I. профессионал: первые лица государства, главы международных организаций, высокие представители МИД, представители военных ведомств на высшем уровне.	профессионал: первые лица государства, главы международных организаций, высокие представители МИД, представители военных ведомств на высшем уровне.	доклад, выступление на заседании органов международных организаций, выступление на пресс-конференции, в парламенте; документация международных организаций и международных договоров.
	II. профессионал: первые лица государства, главы международных организаций, высокие представители МИД, представители военных ведомств, сотрудники военных ведомств.	непрофессионал: общество, группы граждан, граждан.	публичные выступления (обращение к нации).
	III. непрофессионал: граждан, группы граждан.	профессионал: представители военных ведомств, международных организаций, политические партии, политические деятели.	телеграмма, письмо (обращение с жалобами, предложениями), военно-политическое интервью.

Таблица 1 может быть также представлена в виде координатной системы (Рисунок 1), которая наглядно актуализирует политический, военный и военно-политический дискурсы с позиции профессионализма адресантов и адресатов.

Рисунок 1. Влияние профессионализма адресантов и адресатов на актуализацию политического, военного и военно-политического дискурсов

Анализ представленной координатной системы позволяет обратить внимание на то, что как в политическом, так и в военном дискурсах наблюдаются условия, когда адресант и адресат являются профессионалами. В подобной ситуации взаимное воздействие и влияние военного и политического дискурсов с таковыми ролевыми нагрузками адресантов и адресатов, соответственно, актуализируется в появлении военно-политического дискурса как интердискурсивного итога их пересечения. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда военно-политический дискурс выступает результатом интердискурсивности военного и политического дискурсов, что возможно только при совпадении в этих дискурсах социальных ролевых нагрузок адресантов и адресатов в их положительном значении.

Заключение

Таким образом, по результатам сравнительного анализа коммуникативных характеристик категории «адресант – адресат» в политическом, военном и военно-политическом дискурсах мы приходим к следующим выводам.

В рамках дискурсивного анализа исследуемых дискурсов категория «адресант – адресат» является одной из важнейших, поскольку описывает участников речевой коммуникации и уровень профессиональной подготовки к ведению общения на заданную тему. В зависимости от наличия или отсутствия профессионализма участников дискурса нами были выявлены три типа отношений предполагаемых адресантов и адресатов политического, военного и военно-политического дискурсов, определены возможные участники и жанры речевого общения.

Из проанализированных нами видов институционального дискурса именно военный дискурс характеризуется повышенной локализацией социально-коммуникативных ролей участников общения. При этом в политическом и военно-политическом дискурсах имеются сходные отношения в категории «адресант – адресат». Социально-ролевая функциональная нагрузка адресантов и адресатов, отмечаемая в политическом дискурсе, выступает в роли доминирующей составляющей и сохраняет свою функциональность в военно-политическом дискурсе. В свою очередь, в военно-политическом дискурсе, как и в политическом, адресант может манипулировать сознанием адресата с целью скрыть правду, убедить адресата в чем-либо и сориентировать его на определенные действия, вследствие чего в функционировании данных дискурсов отмечается наличие совпадения коммуникативных задач, что еще раз подтверждает выводы, неоднократно высказываемые исследователями, о том, что военно-политический дискурс является результатом интердискурсивного взаимодействия политического и военного дискурсов.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в применении дискурсивного анализа по отношению к категории «адресант – адресат» во всех разновидностях институциональных дискурсов, что, на наш взгляд, представляет важную академическую задачу. С одной стороны, существенным является формальный аспект такого анализа, позитивность применения которого видится не только в структуре получаемых данных, но и в использовании анализа в разного рода теоретических и практических исследованиях. С другой стороны, использование дискурсивного анализа носит сопутствующий характер, что позволяет говорить о его значении для практиков в соответствующих общественных институтах. Исходя из этого, результаты исследования могут быть полезны как теоретикам-исследователям для развития научной базы в области изучения политического, военного и военно-политического дискурсов, так и практикующим политикам, политологам и военным специалистам.

Источники | References

1. Ансокова Д. В. Адресант и адресат как элементы англоязычного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42).
2. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2002.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 2012.
4. Бердников П. М., Калугин А. М., Бокова М. М. Роль категории адресанта при дискурс-анализе (на материале английского языка) // Студенческий научный форум: мат. XII междунар. студ. науч. конф. 2020. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022317>
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Марченко К. А. Средства манипуляции общественным мнением в институциональном дискурсе (на примере военно-политического дискурса) // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот: мат. междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 27-30 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н. Б. Руженцева. Екатеринбург, 2019.
7. Менджеричкая Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2006. № 2.
8. Мошкина Ю. В. Структурно-содержательные особенности военно-политического дискурса: теоретические аспекты // Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований поликультурного военного и политического дискурса / под науч. ред. В. Н. Бабаяна. Ярославль: Цифровая типография, 2020.
9. Мызникова Я. В. Адресат и адресант в диалектном дискурсе // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: тр. и мат. междунар. конф. (V Бодуэновские чтения) (г. Казань, 12-15 октября 2015 г.) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань, 2015.
10. Поздеева Т. В. Отношения «адресант - адресат» в политическом газетном дискурсе (концепция взаимодействия и взаимокорреляции): дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2011.
11. Сидорова Н. А., Степанов С. А., Лимарова Е. В. Политический дискурс - языковые манипуляции. М.: Информационно-технологический центр, 2018.
12. Синельникова Л. Н. Специфика адресант-адресатных отношений в масс-медийном дискурсе // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2008. Т. 21 (60). № 1.
13. Уткина И. В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2006.
14. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Изд-е 5-е, стер. М.: Флинта, 2018.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.

Информация об авторах | Author information**RU****Федотов Илья Игоревич¹****Ковалев Леонид Николаевич²**, к. филол. н., доц.^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва**EN****Fedotov Iliia Igorevich¹****Kovalev Leonid Nikolaevich²**, PhD^{1,2} Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow¹ ilyafed55@gmail.com, ² ko.l.nik@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 17.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): дискурс; речевая коммуникация; адресант; адресат; военно-политический дискурс; discourse; speech communication; addresser; addressee; military-political discourse.